

УДК 342.41(470) + 340.111.52(470)
DOI 10.34822/ 2312-3419-2020-2-40-49

КАТЕГОРИИ «СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО» И «ЗАКОННЫЙ ИНТЕРЕС» В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ СТАТЕЙ 15 И 79 КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С. Э. Либанова

Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия
E-mail: libany@rambler.ru

Ценностью субъективного права многонационального народа Российской Федерации является обеспечение государством его прав и свобод, в первую очередь закрепленных в статьях 2, 17, 18 Конституции Российской Федерации. Отсутствие единого научного и легитимного определения категории «законный интерес» позволяет определить его как интерес определенного субъекта, не детализированный правовой нормой, но охраняемый и защищаемый государством, исходя из принципов права и, прежде всего, базовых принципов и гарантий Конституции РФ. Представительная власть не вправе ограничивать права и свободы гражданина РФ, исполняя субъективное толкование международных актов Европейским судом по правам человека, противоречащее принципам Конституции Российской Федерации, призванным обеспечить «повышенную защиту» основных прав человека как «национальных законных интересов» всего многонационального народа России.

Ключевые слова: «субъективное право», «законный интерес», «национальный законный интерес», конституционные ценности, президентская поправка в ст. 79 Конституции, базовые принципы – гарантии Конституции, универсальный методологический ключ конституционного правоприменения и нормотворчества.

Для цитирования: Либанова С. Э. Категории «субъективное право» и «законный интерес» в свете реализации статей 15 и 79 Конституции Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. 2020. № 2 (28). С. 40–49. DOI 10.34822/ 2312-3419-2020-2-40-49.

CONCEPTS OF “SUBJECTIVE RIGHT” AND “LEGITIMATE INTEREST” IN TERMS OF IMPLEMENTATION OF ARTICLES 15 AND 79 OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

S. E. Libanova

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia
E-mail: libany@rambler.ru

The value of the “subjective right” of the multinational people of the Russian Federation is the ensuring that the state guarantees their rights and freedoms, primarily those enshrined in Articles 2, 17, 18 of the Constitution of the Russian Federation. The lack of a unified scientific and legitimate definition of “legitimate interest” allows defining it as the interest of a particular entity, not itemized in the legislation, but guarded and protected by the state, governed by the principles of law, primarily the basic principles and guarantees of the Constitution of the Russian Federation. The representative government may not restrict the rights and freedoms of the citizen of the Russian Federation, performing a subjective interpretation of international acts by the European Court of Human Rights, that contravenes to the principles of the Constitution of the Russian Federation designed to provide “enhanced protection” of fundamental human rights as “national legitimate interests” of the multinational peoples of Russia.

Keywords: subjective right, legitimate interest, national legitimate interest, constitutional values, presidential amendment to Article 79 of the Constitution, the base-basal principles of the guarantee of the Constitution, universal methodological key constitutional law enforcement and rulemaking.

For citation: Libanova S. E. Concepts of “Subjective Right” and “Legitimate Interest” in Terms of Implementation of Articles 15 and 79 of the Constitution of the Russian Federation // Surgut State University Journal. 2020. No. 2 (28). P. 40–49. DOI 10.34822/ 2312-3419-2020-2-40-49.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность и значимость выбранной темы обусловлены не только отсутствием в научном сообществе единства мнений в отношении двух важных категорий права – «субъективное право» и «законный интерес» – с позиции методологии права в целом, но и подготовкой общества к референдуму по поводу предложенного Президентом РФ 20 января 2020 года Проекта закона № 885214-7 о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти», в том числе п. 5 ст. 1 о дополнении ст. 79 частью 2, гласящей, что «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации» [1].

Именно в аспекте анализа примата национального права над международным в контексте некоторого дисбаланса требований ч. 4 ст. 15 и ранее действующей редакции ст. 79 представляется целесообразным впервые рассмотреть предложенную президентом поправку ч. 2 ст. 79 Конституции РФ с позиции соотношения «субъективного права» России и «национального законного интереса» всего многонационального народа России, в первую очередь «государствообразующего народа».

Для решения поставленной автором задачи требуется дать определение и выявить соотношение фундаментальных категорий «субъективное право» и «законный интерес» как с методологической точки зрения, так и с позиции конституционного права, учитывая, что понятие «законный интерес» прямо закреплено в двух статьях Конституции РФ (в ч. 2 ст. 36 и в ч. 3 ст. 55).

Полагаем, что именно конституционный подход к осмыслению этих категорий позволит аргументировать легитимность неоднозначно воспринятой учеными и правозащитниками поправки в ст. 79 Конституции РФ.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Основные исследовательские подходы – системность и комплексность – предопределены

методологической базой, заложенной в основу статьи. Диалектико-материалистический метод познания конституционно-правовой действительности позволил рассмотреть эффективность реализации категории «законный интерес» как «национальный законный интерес» граждан России, принимавших Конституцию 1993 года всенародным голосованием. Общественные методы познания (анализ и синтез, аналогия и сравнение, логические выводы), а также частнонаучные методы (историко-правовой, догматический, сравнительно-правовой, статистический) позволили соизмерить точки зрения, теории и взгляды на существующие юридические проблемы обеспечения «субъективного права» России не исполнять требования международного законодательства и договоров, а также решения международных органов. Такое неисполнение возможно при выявлении Конституционным Судом Российской Федерации оснований, влекущих за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и ущемляющих «национальные законные интересы» всего многонационального народа России.

Специфика проблем, выявленных, поставленных и исследуемых автором, обусловила системно-структурный подход к обоснованию легитимности и своевременности внесения предложенной президентом поправки в ст. 79 Конституции РФ, не противоречащей ч. 4 ст. 15 Конституции РФ с позиции конституционного толкования категории «национальные законные интересы» многонационального народа Российской Федерации, легитимно определяемой через конституционные ценности, заложенные в принципах и гарантиях самой Конституции РФ, рассматриваемых автором в качестве универсального методологического ключа, состоящего из коррелирующих базовых принципов и гарантий Конституции РФ, впервые объединенных в авторскую доктринальную категорию «базовый принцип – гарантия Конституции РФ».

Применение вышеуказанных методов позволило, проанализировав современные работы ученых (С. Белов [2], В. Lizewski [3] и др.), признавая бесспорное наличие трудностей в определении примата национального законодательства над международным при ис-

полнении некоторых постановлений Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), соглашаясь с мнением С. Белова о возможности рассмотрения внутри национальных правовых систем постановлений ЕСПЧ как актов, применение которых подобно применению правовых принципов с учетом их соотношения с собственными принципами национальных правовых систем [2], предложить авторский вариант универсального методологического ключа для решения этой проблемы, состоящего не только из одинаковых базовых принципов национального и международного права, но и коррелирующих с ними гарантий, применяемых в единстве, как доказывает нижеприведенный анализ судебной практики Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ) и ЕСПЧ, на протяжении длительного времени.

Представляется, что предлагаемая доктринальная авторская концепция универсального методологического ключа правоприменения в виде трех базовых принципов – гарантий Конституции РФ (высшая ценность – человек, народовластие и верховенство права), признанных в качестве *базовых международных принципов – гарантий международного сообщества*, позволит сгладить методологические трудности, связанные с признанием за постановлениями ЕСПЧ роли судебных прецедентов [3], подлежащих бесспорному исполнению при отсутствии у многих участников Конвенции самого процентного права как такового (как, например, в России), и достичь баланса между категориями «*национальный законный интерес России*» и «*законный интерес*», гармонизировав их правоприменение в национальном и международном праве.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Для достижения поставленной цели определим используемый понятийный аппарат, а именно понимание категорий «субъективное право» и «законный интерес», «национальный законный интерес», «конституционные ценности», «примат национального права».

Обратимся к словарю: в переводе с латинского языка *interest* означает «важно» [4]. Под субъективным правом понимаем обеспеченную законом меру возможного поведения субъекта (физического или юридическо-

го лица) для достижения цели и удовлетворения интересов.

Интерес может быть как законным, так и незаконным. Факт наличия интереса у субъекта не связан с прямым закреплением его нормами права. Предметом исследований XXI века остается решение вопроса о законодательном закреплении законного интереса. Полагаем возможным определять законность интереса через ценности, которые могут изменяться в процессе развития общества и мира в целом. Процессы глобализации развития мира и международного законодательства требуют выработки конституционного критерия определения законности не закрепленных в законе интересов каждого человека и национальных законных интересов российского государства в лице его многонационального народа. Полагаем, что именно таким критерием являются закрепленные в Конституции РФ принципы и гарантии, образующие универсальный методологический ключ нормотворчества и правоприменения [5].

Представляется, что ценностью «субъективного права» многонационального народа Российской Федерации является обеспечение государством его прав и свобод, в первую очередь закрепленных в ст. 2, 17, 18 Конституции РФ, а именно субъективное право каждого человека быть высшей ценностью для государства и определение способов его обеспечения.

Системный анализ позиций ряда авторов (Р. Иеринг [6], В. В. Субочев [7], Н. Шайкенов [8] и др.) позволяет сделать вывод о том, что еще в начале XX в. учеными было признано существование субъективных прав и законных интересов, которые рассматривались как различные формы признания и защиты интересов индивидуумов со стороны государства [7].

В первые годы советской власти часто использовались такие словосочетания, как «юридически защищенные интересы», «правомерные интересы», «признанные законом интересы», определяющие категорию «законный интерес» как явление, не тождественное субъективному праву [9].

Ученые рассматривали «законный интерес» в общем подходе в качестве цели, которую стремится достигнуть субъект, и в частном – как правовое средство.

Категория «законный интерес» является межотраслевой, так как используется законодателем в различных отраслях права, но парадоксально отсутствие четкого определения этой категории (как легитимного, так и научного). В XXI веке особую актуальность приобретает решение вопроса о предоставлении защиты законным интересам (в том числе «национальным законным интересам России») наравне с субъективными правами.

Термин «законные интересы» используется общей теорией права и несет в себе методологическую нагрузку для всей системы юридических наук. Поэтому автором предпринята попытка определить исследуемую категорию через призму конституционного права.

Правоприменители постоянно сталкиваются с необходимостью защиты законных интересов, не детализированных правовой нормой.

Предлагаем рассматривать законный интерес как интерес, не детализированный правовой нормой, но охраняемый и защищаемый государством, исходя из принципов права (в первую очередь базовых принципов и гарантий Конституции РФ: высшая ценность – человек, народовластие, верховенство Конституции РФ).

Категория «законный интерес» прочно вошла в нормотворчество современной России. Она также активно использовалась и используется в конституциях и законодательстве многих европейских государств (Венгрия, Чехия, Югославия, Румыния), азиатских стран (Монголия и др.), стран – членов СНГ (Армения, Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан, Беларусь), а также в международно-правовых документах. Согласно основным принципам независимости судебных органов, принятым в сентябре 1985 г. 7-м Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, каждый человек имеет право на судебную защиту своих прав и связанных с ними разнообразных охраняемых законом интересов [10, с. 326–328].

Сочетание слов «законный интерес» закреплено в ч. 2 ст. 36 и в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и часто встречается в формализованных актах государственного реагирования на нарушения прав и интересов различных участников правоотношений, в том числе в постановлениях Конституционного Суда

РФ, указывающих на особую значимость последних и недопустимость их нарушения как основанных на правовых принципах. В связи с этим нарушение законных интересов может привести (и приводит) к нарушению конституционных принципов [11, с. 119].

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 14.07.15 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 1 ФЗ “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, п. 1, 2 ст. 32 ФЗ “О международных договорах РФ”, ч. 1, 4 ст. 11, п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, ч. 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, ч. 1 и 4 ст. 15, п. 4 ч. 1 ст. 350 КАС РФ и п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» используется для аргументации законности и легитимности права России не исполнять некоторые акты ЕСПЧ категория «конституционно защищаемые ценности». Проверяя эти положения в порядке конституционного нормоконтроля, Конституционный Суд РФ признал их принятыми в порядке конкретизации ст. 15 (ч. 4), 17 (ч. 1), 46 (ч. 3) и 79 Конституции. Более того, КС РФ пояснил, что в контексте конституционно защищаемых ценностей эти законоположения в их нормативном единстве, выступая в качестве важной правовой гарантии имплементации Конвенции о защите прав человека и основных свобод в правовую систему РФ, одновременно призваны обеспечить согласованный процессуально-правовой порядок исполнения вынесенных в отношении нее постановлений ЕСПЧ, основанных на толковании и применении положений Конвенции [12].

В XXI веке все чаще Конституционный Суд РФ использует высокоценное, но сложное понятие – «повышенная защита» [13–17] Конституцией Российской Федерации некоторых прав человека, ограничение которых требует наличия предусмотренных федеральным законом оснований.

Выделение конституционно защищаемых ценностей позволяет определить их как конституционные законные интересы, нуждающиеся в повышенной защите, но не детализированные правовой нормой. В постановлении Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 аргументирована легитимность предложенной

Президентом РФ поправки в ст. 79 Конституции РФ. Конституционные законные интересы России и ее многонационального народа определены через принцип верховенства и высшей юридической силы Конституции РФ, а также через правовые гарантии имплементации Конвенции о защите прав человека и основных свобод в правовую систему РФ.

Полагаем, что невозможно на конституционном уровне (в Конституции Российской Федерации) детализировать перечень субъективных прав человека, нуждающихся в повышенной защите. Но это можно легитимно сделать в порядке реализации предлагаемого нами универсального методологического ключа конституционного правоприменения и нормотворчества в постановлениях КС РФ.

В ракурсе президентских поправок в Конституцию 2020 года полагаем целесообразным расширить конституционно-правовой смысл существующего терминологического фонда путем введения в него новой категории *«базовые (базальные – базальная власть, от греч. basis – основа) принципы – гарантии Конституции РФ»*, существенно отличающейся от ранее предложенных в науке категорий («принципы Конституции РФ», «принцип гарантированного осуществления прав и исполнения обязанностей», «гарантии-принципы» и др.) как универсального методологического ключа конституционного нормотворчества и правоприменения [18].

Именно принципы конституционного права лежат в основе конституционно-правового обеспечения конституционных гарантий. «Эти принципы обладают высшей степенью нормативной обобщенности, определяют содержание конституционных прав человека, отраслевых прав граждан, носят универсальный характер» [19].

Тесная взаимосвязь принципов и гарантий Конституции РФ прослеживается в ст. 18, отражающей *принцип гарантированного осуществления прав и исполнения обязанностей*, имеющий генетическую связь с международно-правовым принципом уважения прав человека и его основных свобод, закрепленным во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. *Принцип гарантированного осуществления прав и свобод можно рассматривать как систему условий, средств*

и способов, обеспечивающих их (прав) реализацию. Главная его ценность и одновременно уязвимость, на наш взгляд, заключается в том, что он предполагает наличие системы разнородных гарантий, в отличие от предлагаемой нами концепции принципа – гарантии Конституции РФ [20].

Презюмируя наличие сущностных отличий в правовой природе категорий «принцип Конституции РФ», «конституционно гарантированный принцип» и «принцип – гарантия Конституции РФ», полагаем, что отдельные принципы, закрепленные в Конституции РФ, могут эффективно реализоваться только в единстве с однопорядковыми, по сути, конституционными гарантиями. Это позволяет объединить их в единую доктринальную категорию – «принцип – гарантия Конституции РФ» [21].

Признавая Конституцию юридически узаконенным балансом интересов всех социальных групп общества и юридическим выражением социальной солидарности, *полагаем возможным обеспечить конституционное правоприменение и соблюдение требований ч. 4 ст. 15 в контексте с требованиями ст. 79 Конституции РФ, руководствуясь тремя базовыми принципами – гарантиями Конституции РФ: человек как высшая ценность (ст. 2, 17, 18), народовластие (ст. 3, 32), верховенство права (ч. 1. ст. 4, ст. 15), – представляющими универсальный методологический ключ конституционного нормотворчества и правоприменения.*

В данном исследовании «принцип» определен нами как основная мысль, идея, служащая для построения теории; закон науки, в котором выражаются существенные и необходимые отношения действительности; основное начало, на котором построена научная теория; методологическая или нормативная установка. «Гарантию» мы определяем как способ обеспечения неизбежности реализации принципа.

Под базовыми принципами – гарантиями Конституции РФ, закрепленными в ст. 2, 3 ч. 2, ст. 4, ч. 2, ч. 1 ст. 15, 17, 18, 32, нами предлагается понимать гарантированные конституционные принципы, которые закреплены в Основном Законе страны одновременно в качестве принципов и гарантий. Полагаем, что именно эти принципы и одновременно

гарантии их реализации обладают базальной властью, являются базовыми, соответствующими механизмам международно-правовой защиты прав человека [21].

Предложенный перечень принципов – гарантий Конституции РФ не является исчерпывающим.

Принятие и использование новой концептуальной категории и введение ее в существующий терминологический фонд позволит пересмотреть процессы нормотворчества и правоприменения без сложной и длительной ревизии всего действующего законодательства на соответствие Конституции РФ, аглавное, обеспечить реализацию конституционных ценностей в деятельности всех правоприменителей и снять проблему оценки легитимности неисполнения требований международного законодательства и договоров, а также решений международных органов, влекущих за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина как противоречащих Конституции Российской Федерации.

Под конституционным правоприменением нами понимается обеспечение верховенства Конституции РФ над иными законами и соблюдение Россией ст. 1, 6, 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [21], возлагающих на нее обязанность создать и обеспечить систему эффективных механизмов защиты прав человека, в том числе условий функционирования свободных и беспристрастных судов, применяющих базовые принципы – гарантии Конституции Российской Федерации при отправлении правосудия.

Правовой анализ рассмотренных Конституционным Судом РФ дел на протяжении двух десятилетий свидетельствует о регулярном применении корреспонденции статей, образующих три базовых принципа-гарантии Конституции РФ:

- *принцип «высшая ценность – человек»* (ст. 2, 17, 18): постановления Конституционного Суда РФ от 28.06.2007 № 8-П, от 08.12.09 № 19-П; от 19.04.10 № 8-П; от 13.07.10 № 15-П; от 14.07.11 № 16-П; от 30.06.11 № 14-П; от 20.12.11 № 29-П; от 04.02.2020 № 7-П; от 30.01.20 № 6-П; от 19.12.19 № 41-П и др.;

- *принцип народовластия* (ст. 3, 32): постановления Конституционного Суда РФ от 16.06.2006 № 7-П; от 21.03.07 № 3-П;

от 19.04.10 № 8-П; от 18.05.11 № 9-П; от 07.07.11 № 15-П; от 13.02.20 № 8-П; от 04.02.2020 № 7-П; от 30.01.20 № 6-П и др.;

- *принцип верховенства права* (ст. 4, 15): постановления Конституционного Суда РФ от 21.04.1993, от 24.06.1997 № 9-П, от 11.05.05 № 5-П, от 27.02.09 № 4-П, от 13.07.10 № 15-П, от 20.12.11 № 29-П; от 28.01.20 № 5-П; от 04.02.2020 № 7-П; от 21.01.20 № 3-П и др.

На основе анализа судебной практики ЕСПЧ можно выделить применение вышеназванных принципов-гарантий в виде корреспонденции следующих статей: принцип «высшая ценность – человек» определен корреспонденцией ст. 3, 6, 35 Конвенции; принцип «народовластие» – ст. 10, 11, 13, 14 Конвенции; принцип «верховенство права» – п. 1 ст. 6 и ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Процесс становления международного права характеризуется принимаемыми всеми участниками правовых отношений принципами, выдвиганием на первый план прав и интересов человека и в первую очередь неограничением его прав и свобод, а также повышением внимания к обеспечению интересов международного сообщества в целом [22] и требует определения базовых международных принципов-гарантий.

Само государство должно доказать всему международному сообществу тот факт, что оно в состоянии в рамках национальной судебной системы не допустить ограничения прав и свобод человека и тем более не допустить появления таких ограничений в результате выполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем базовым принципам – гарантиям Конституции РФ.

Предложение в качестве базовых международных принципов – гарантий международного сообщества универсального методологического ключа правоприменения трех базовых принципов-гарантий (высшая ценность – человек, народовластие, верховенство Конституции), фактически отраженных во многих Конституциях других государств и практике ЕСПЧ, обеспечит единство международного и национального права в сфере обеспечения прав и свобод человека.

Более того, они могут стать универсальным критерием гармоничного взаиморазвития и взаимосдерживания двух систем (международного права и национального) при коллизионном толковании отдельных положений.

Несмотря на то, что проблема соотношения международного и внутригосударственного права всегда имела принципиальное значение, особую актуальность она приобрела в связи с предложенной Президентом РФ поправкой к ст. 79 Конституции РФ в январе 2020 года. Данная поправка предусматривает введение в теорию и практику конституционного права категории «конституционный законный интерес», что можно считать своевременной мерой, в том числе в свете рассмотрения корреспонденции ст. 15 и 79 Конституции РФ.

При соотнесении международного и конституционного права следует учитывать следующее: в редакции поправки к ст. 79 Конституции РФ определено, что «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

Предложенный пунктом 5 ст. 1 Проекта № 885214-7 вариант поправки к ст. 79 Конституции Российской Федерации следует усилить сочетанием слов: «*базовым принципам – гарантиям Конституции*», предложив следующую формулировку: «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем базовым принципам – гарантиям Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

Следуя позитивистской теории права, можно утверждать, что ни одна правовая норма, в том числе исходящая из международных актов и взятых обязательств, не должна противоречить Конституции РФ как основному закону, принятому всеобщим голосованием и не относящемуся к законам, предусмотренным ч. 4 ст. 15. Признавая при-

оритет международного права над внутригосударственными законами, подавляющее большинство государств не распространяют верховенство международного права на свои Конституции (США, Франция и др.) [23].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для устранения коллизии, вызвавшей объективную необходимость внесения поправки в ст. 79 Конституции РФ, требуется критерий, позволяющий определить возникновение ограничения прав и свобод человека и гражданина, появляющееся при исполнении Россией требований международного законодательства и договоров, а также решений международных органов. Более того, необходимо обеспечить внутри государства невозможность незаконного ограничения прав и свобод человека и гражданина органами системы публичной власти.

В XXI веке таким национальным и одновременно международным критерием может явиться предложенная автором новая категория – «универсальный методологический ключ конституционного нормотворчества и правоприменения».

Развитие экономики любой страны в настоящее время зависит от степени ее интеграции в мировую экономическую систему, что влечет за собой необходимость приведения права в соответствие с международными стандартами, прежде всего в области прав человека.

Так как не только термин, но и сама категория «законные интересы» используется общей теорией права и несет в себе методологическую нагрузку для всей системы юридических наук и правоприменительной практики, предлагаем определить законный интерес как интерес, не детализированный в правовой норме, но охраняемый и защищаемый государством на основании трех базовых принципов – гарантий Конституции РФ, являющихся универсальным методологическим ключом не только российского нормотворчества, но и национального и международного правоприменения, фактически уже используемым как Конституционным Судом РФ, так и ЕСПЧ.

ЛИТЕРАТУРА

1. О поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти» : проект закона № 885214-7 ; внесен Президентом РФ ; принят в первом чтении 23.01.2020 (не действует). URL: <https://constitution.garant.ru/law/77519018/chapter/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 15.02.2020).
2. Белов С. Национальный механизм исполнения постановлений ЕСПЧ на примере России. URL: <https://legascom.ru/notes/2972-natsionalnyj-mekhanizm-ispolneniya-postanovlenij-evropejskogo-sudapropavam-cheloveka-na-primere-rossii> (дата обращения: 30.03.2020).
3. Lizewski B. Judgment of the ECHR as a Precedent Binding quasi de iure and the Effectiveness of the European Convention on Human Rights (Theoretical Perspective) // *Studia Prawnicze*. 2017. No. 2. P. 7–29.
4. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь : более 200 000 слов и словосочетаний / И. Х. Дворецкий. 12-е изд., стер. М. : Дрофа ; Русский язык-Медиа, 2009. 1055 с.
5. Либанова С. Э. Демокурия : моногр. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. 318 с.
6. Фон Иеринг Р. Избранные труды. Самара : Самар. гос. эконо. академия, 2003. 520 с.
7. Субочев В. В. Законные интересы / под ред. А. В. Малько. М. : Норма, 2008. 496 с.
8. Шайкенов Н. А. Правовое обеспечение интересов личности / науч. ред. С. С. Алексеев. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 200 с.
9. Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы в правовой жизни общества: актуальные вопросы теории и практики // *Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение*. 2014. № 2. С. 84–98.
10. Международная защита прав и свобод человека : сб. документов. М., 1990. 672 с.
11. Матейкович М. С., Горбунов В. А. Законные интересы в конституционном праве. М. : Норма ; Инфра-М, 2011. 256 с.
12. По делу о проверке конституционности положений ст. 1 ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», п. 1, 2 ст. 32 ФЗ «О международных договорах РФ», ч. 1, 4 ст. 11, п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, ч. 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, ч. 1 и 4 ст. 15, п. 4 ч. 1 ст. 350 КАС РФ и п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.2015 № 21-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
13. По делу о проверке конституционности ч. 2 и 3 ст. 13, п. 5 ч. 5 ст. 19 и ч. 1 ст. 20 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Р. Д. Свечниковой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.01.20 № 1-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. About the amendment to the Constitution of the Russian Federation “On improving the regulation of certain issues of the organization of public power”: draft law No. 885214-7; introduced by the President of the Russian Federation; adopted in the first reading on 23.01.2020 (not valid). URL: <https://constitution.garant.ru/law/77519018/chapter/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (accessed: 15.02.2020). (In Russian).
2. Belov S. national mechanism of execution of ECHR rulings on the example of Russia. URL: <https://legascom.ru/notes/2972-natsionalnyj-mekhanizm-ispolneniya-postanovlenij-evropejskogo-sudapropavam-cheloveka-na-primere-rossii> (accessed: 30.03.2020). (In Russian).
3. Lizewski B. Judgment of the ECHR as a Precedent Binding quasi de iure and the Effectiveness of the European Convention on Human Rights (Theoretical Perspective) // *Studia Prawnicze*. 2017. No. 2. P. 7–29.
4. Dvoretzky I. H. Latin-Russian dictionary: more than 200,000 words and phrases / I. H. Dvoretzky. 12th ed., erased. Moscow: Drofa : Russkii iazyk-Media, 2009. 1055 p. (In Russian).
5. Libanova S. E. Democary. Monograph. Kurgan: publishing house of the Kurgan state University, 2014. 318 p. (In Russian).
6. Von Iering R. Selected works. Samara: Samara State Academy of Economics, 2003. 520 p. (In Russian).
7. Subochev V. V. Legitimate interests / Ed. A. V. Malko. Moscow: Norma, 2008. 496 p. (In Russian).
8. Shaikenov N. A. Legal support of the interests of the individual / Ed. S. S. Alekseev. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1990. 200 p. (In Russian).
9. Malko A. V., Subochev V. V. Legal Interests in the Legal Life of Society: Current Issues of Theory and Practice // *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 2014. No. 2. P. 84–98. (In Russian).
10. Mezhdunarodnaia zashchita prav i svobod cheloveka. International protection of human rights and freedoms: collection of documents. Moscow, 1990. 672 p. (In Russian).
11. Matakovich M. S., Gorbunov V. A. Legitimate interests in constitutional law. Moscow : Norma ; Infra-M, 2011. 256 p. (In Russian).
12. In the case of the verification of the constitutionality of the provisions of Article 1 of the Federal Law “On Ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and its Protocols”, paragraphs 1, 2 of Art. 32 Federal Law “On International Treaties of the Russian Federation”, part 1, 4 of Art. 11, clause 4, part 4, Art. 392 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, part 1 and 4 of Art. 13, paragraph 4, part 3, Art. 311 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation, parts 1 and 4 of Art. 15, clause 4 part 1 of Art. 350 of the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation and paragraph 2 of Part 4 of Art. 413 of the Code of

14. По делу о проверке конституционности положений ст. 36 и 82 ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Н. В. Кургаевой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12.01.18 № 2-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. По делу о проверке конституционности положений ст. 217 НК РФ в связи с запросом Новочеркасского гарнизонного военного суда : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.05.18 № 22-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
16. По делу о проверке конституционности п. 6 ч. 1 ст. 13 Закона РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС в связи с жалобой гражданки Т. С. Овечкиной : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.12.17 № 40-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
17. По делу о проверке конституционности абзаца 1 п. 1 ст. 17 ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» в связи с запросом мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.06.17 № 17-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
18. Либанова С. Э., Остапович И. Ю. 25 лет Конституции Российской Федерации проблемы конституционализации нормотворчества и правоприменения // Евраз. юрид. журн. 2018. № 11 (126). С. 103–105.
19. По делу о проверке конституционности правоприменительной практики ограничения времени оплаты вынужденного прогула при незаконном увольнении, сложившейся на основе применения законодательства о труде и Постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, Верховного Суда Российской Федерации, регулирующих данные вопросы : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.01.1993. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
20. Либанова С. Э. Универсальный методологический ключ для техники правотворческой фиксации принципов права // Юрид. техника. 2012. № 6. С. 294–299.
21. Либанова С. Э. Адвокатура в механизме обеспечения прав человека в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2013, 58 с.
22. О первоочередных мероприятиях, связанных со вступлением Российской Федерации в Совет Европы : распоряжение Президента Российской Федерации от 13 февраля 1996 г. № 66-рп // СЗ РФ. 1996. № 8. Раздел третий. Ст. 743.
23. Либанова С. Э. Пути преодоления коллизий толкования конвенционных положений, даваемых Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the request of a group of deputies of the State Duma: Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 14, 2015, No. 21-P. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
13. In the case of the verification of constitutionality of parts 2 and 3 of Art. 13, paragraph 5, part 5, Art. 19 and part 1 of Art. 20-FZ “On the Basics of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation” in Connection with a Complaint by Citizen R. D. Svechnikova: Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of 13.01.2020 No. 1-P. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
14. In the case of the constitutionality of the provisions of Article 36 and 82 of the Federal Law “On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation” in connection with the complaint of citizen N. V. Kurgaeva: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 12.01.2018 No. 2-P. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
15. In the case of the verification of the constitutionality of the provisions of Article 217 of the Tax Code in connection with the request of the Novocherkassk garrison military court: Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of 31.05.2018 No. 22-P. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
16. In the case of the verification of the constitutionality of Clause 6, Part 1, Article 13 of the Law of the Russian Federation “On the social protection of citizens exposed to radiation as a result of the Chernobyl disaster” in connection with the complaint of a citizen T. S. Ovechkina: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 13.12.2017 No. 40-P. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
17. In the case of the verification of constitutionality of paragraph 1 part 11 Art. 17 of the Federal Law “On Compulsory Third Party Liability Insurance of Vehicle Owners” in connection with the request of the magistrate of the judicial district No. 1 of the Vyksa judicial district of the Nizhny Novgorod Oblast: Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27.06.2017 No. 17-P. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
18. Libanova S. E., ostapovich I. Yu. 25 years of the Constitution of the Russian Federation Problems of Constitutionalization of Rulemaking and Law Enforcement // Eurasian Legal Journal. 2018. No. 11 (126). P. 103–105. (In Russian).
19. In the case of verifying the constitutionality of the law enforcement practice of limiting the time for paying involuntary absenteeism upon unlawful dismissal, established on the basis of the application of labor legislation and the decisions of the Plenums of the Supreme Court of the USSR, the Supreme Court of the Russian Federation regulating these issues:

европейским судом по правам человека и положений национальных конституций // Юрид. техника. 2017. № 11. С. 204–210.

- resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27.01.1993. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
20. Libanova S. E. Universal Methodological Key for the Technique of Law-Making Fixation of the Principles of Law // Legal Technique. 2012. No. 6. P. 294–299. (In Russian).
 21. Libanova S. E. Advocacy in the mechanism of ensuring human rights in the Russian Federation: constitutional and legal research: Extended abstract of Doctoral Dissertation (Law). Yekaterinburg, 2013. 58 p. (In Russian).
 22. On priority measures related to the entry of the Russian Federation into the Council of Europe: Decree of the President of the Russian Federation dated February 13, 1996, No. 66-rp // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 8. Section Three. Art. 743. (In Russian).
 23. Libanova S. E. Ways to Overcome Conflicts of Interpretation of the Convention Provisions Given by the European Court of Human Rights and the Provisions of National Constitutions // Legal Technique. 2017. No. 11. P. 204–210. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Либанова Светлана Эдуардовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия.
E-mail: libany@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR

Svetlana E. Libanova – Doctor of Sciences (Law), Docent, Professor of the Department of Constitutional Law, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: libany@rambler.ru